ИГРЫ В МОНОПОЛИЮ

В 2019 ГОДУ ЮРИДИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК НИКОГДА БЛИЗКО ПОДОШЛО К ВОПРОСУ ПОСТЕПЕННОГО ВВЕДЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В СУДАХ. В 2020 ГОДУ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАМЕРЕНО РАССМОТРЕТЬ КОНЦЕПЦИЮ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ОКОНЧАТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛИТЬСЯ СО СРОКАМИ И ФОРМАТОМ НЕОБХОДИМЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. АНДРЕЙ СЕМЕРИКОВ

Разговоры о необходимости реформирования российского рынка профессиональной юридической помощи и введения так называемой адвокатской монополии ведутся уже более десяти лет. В 2017 году власти приблизились к решению вопроса, и Министерство юстиции РФ разработало и опубликовало Концепцию регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Согласно одному из пунктов концепции, представительство в судах к 2023 году будут вправе осуществлять только адвокаты. Документ активно обсуждался на разных уровнях и получил неоднозначную оценку со стороны профессионального сообщества. В ноябре 2019 года Дмитрий Медведев (на тот момент занимавший пост премьер-министра РФ) на встрече с представителями адвокатского сообщества заявил, что к началу марта концепцию планируют внести в правительство, а окончательное решение по ней должно быть принято в середине года.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ На сегодняшний день в России адвокатская монополия закреплена лишь в уголовном судопроизводстве. Марина Филиппова, юрист практики имущественных и обязательственных отношений юридической службы «Амулекс», напоминает, что еще в 2015 году был принят и вступил в силу Кодекс административного судопроизводства РФ, регламентирующий рассмотрение споров граждан и органов власти, где законодатель предусмотрел понятие квалифицированной юридической помощи, которая сводилась к тому, что при обращении в суд с административным иском представитель должен обладать высшим юридическим образованием.

Очередным важным шагом на пути к введению адвокатской монополии стали вступившие в силу с 1 октября 2019 года поправки к ГПК и АПК, согласно которым представительство в судах могут осуществлять только адвокаты или лица, имеющие высшее юридическое образование.

«Причем документ об образовании нужно представить в судебном заседании. Исключение составляют дела, рассматриваемые мировыми судьями и районными судами. В этом случае образовательный ценз не применяется. Также образовательный ценз коснулся и арбитражных судов»,— поясняет Мария Замолоцких, юрист Европейской юридической службы.

По оценкам Ильи Жарского, управляющего партнера экспертной группы Veta, изменения в Арбитражный и Гражданский процессуальные кодексы можно считать шагами, направленными на установление адвокатской монополии. «Законодательно закрепленные требования к подтверждению квалификации, профильного высшего образования или степени в сфере права, предъявляемые к лицу, представляющему интересы бизнеса в суде, предполагают повышение качества услуг. Квалифицированный специалист, тем более юрист, имеет больше шансов на успешную защиту своего клиента. Кроме того, может существенно сократиться и количество откровенно безграмотных исков, подаваемых в суды и увеличивающих и без того высокую нагрузку на них»,— считает господин Жарский.

Минувший год стал очень продуктивным с точки зрения законодательных инициатив, касающихся адвокатской деятельности. Так, в начале декабря 2019 года президент России одобрил поправки в закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». По словам Дарьи Борисовой, партнера юридического бюро «Григорьев и партнеры», данный шаг стал сигналом всему профессиональному сообществу о том, что от обсуждений и сбора мнений по проблемным вопросам законодатель перешел к решительным действиям.

Одной из главных новелл документа стала легитимизация гонорара успеха. С 1 марта 2020 года гонорар успеха может легитимно применяться в качестве условия оплаты юридической помощи адвокатов по гражданским делам. Ева Тимофеева, советник по трудовым вопросам компании «ССП-Консалт», считает, что появившаяся возможность получения адвокатами гонораров успеха действительно является прорывом, поскольку ранее включение данных условий в договоры с физическими лицами признавалось судами незаконным, а законным образом адвокаты получить данное вознаграждение не могли, через суд с задолжавших клиентов эти суммы было не взыскать.

По мнению Дениса Качкина, управляющего партнера, руководителя практики по инфраструктуре и ГЧП «Качкин и партнеры», иногда складывается такое ощущение, что те, кто занимается реформированием юридической профессии, работают на «почасовке». «Это именно тот случай, когда уже не только со стороны кажется, что процесс важнее результата. Игры в монополию (адвокатскую) начались около десяти лет назад, рынок видел уже не одну концепцию реформирования, но пока что серьезного прогресса не наблюдается,— рассказывает господин Качкин.— Попытка сделать более привлекательной профессию адвоката за счет легализации в конце прошлого года так называемого гонорара успеха „исключительно для адвокатов“ сложно назвать системной и продуманной мерой. Очевидно, что подобный способ оплаты гонорара юриста должен автоматически распространяться и на иные виды правовых услуг».

Резонансной поправкой к закону также стала норма о лишение права на судебное представительство в отношении лиц, лишенных адвокатского статуса по «неблаговидным основаниям».

По словам Александра Суркова, адвоката по уголовным делам в сфере экономических преступлений, к таким основаниям в частности относятся лишение адвоката статуса адвокатской палатой в случае нарушения норм Кодекса профессиональной этики, неисполнения обязательств перед доверителем, незаконного использование информации полученной адвокатом в связи осуществлением профессиональной деятельности, а также вступившим в силу приговором суда о признании виновным в совершении умышленного преступления. «Многие коллеги весьма недовольны этими изменениями, поскольку ясно, что все процедуры будут „обкатываться“ на живых, действующих людях, и тут возможны и ожидаемы нарушения и злоупотребления»,— комментирует господин Сурков.

В качестве прочих «предвестников» адвокатской монополии, которые прослеживаются в принятых поправках, Анатолий Петров, партнер юридического бюро «Григорьев и партнеры», выделяет введение термина «адвокатская профессия», а также снижение стажа адвокатской деятельности, необходимого для учреждения адвокатского кабинета и коллегии адвокатов. «Снижение стажа с пяти до трех лет можно интерпретировать как попытку законодателя насытить рынок юридических услуг адвокатскими образованиями в преддверии адвокатской монополии»,— считает господин Петров.

По его словам, вызывает некоторую настороженность отмена запрета занимать должность президента адвокатской палаты более двух сроков подряд. «Такое регулирование — при наличии „пожизненных президентов“ — может привести к росту управляемости адвокатского сообщества и его централизации,— поясняет Анатолий Петров.— Изложенное особенно актуально с учетом количества средств давления на адвокатов — включая вышеупомянутый запрет на профессию для тех, кто лишился статуса. А лишиться его с 01.03.2021 будет просто. Достаточно пару раз неверно составить адвокатский запрос».

В свете таких новелл поправки, допускающие определение цены правовых услуг с привязкой к результату оказания адвокатом юридической помощи («гонорар успеха»), выглядят сахарной пудрой на горькой пилюле, призванной «задобрить» адвокатское сообщество и практикующих юристов, считает господин Петров.

ПЛЮС ДЛЯ РЫНКА Дискуссии о необходимости введения адвокатской монополии ведутся уже более десяти лет, и за это время у реформы появилось немало сторонников. Денис Качкин полагает, что объединение профессии будет являться благом не только для рынка, но и для общества в целом. «Если появится сильная самоуправляемая организация, основным запросом которой станет справедливая и независимая от власти судебная система и целенаправленно действующая для достижения позитивного результата, то в конечном счете выиграют все. Происходящий сегодня вялотекущий процесс „реформирования“ красноречиво подтверждает осознание такого сценария властью как нежелательного,— рассуждает господин Качкин.— Еще один плюс от введения монополии — повышение стандартов и соблюдение этики в вопросах оказания правовой помощи. Если юрист будет понимать, что лишение статуса не позволит ему больше заниматься профессиональной деятельностью, он тысячу раз подумает, прежде чем вписываться в какие-то этически сомнительные или даже коррупционные схемы. Лишенный статуса адвокат, если он не практикует уголовное право, может спокойно продолжать свою профессиональную деятельность и без специального статуса».

По мнению Анжелики Решетниковой, адвоката, партнера адвокатского бюро «Бишенов и партнеры», введение монополии на рынке юридических услуг — единственное верное решение. «Это своего рода „лицензия“ на осуществление деятельности. Мы же не ставим под сомнение и обсуждение осуществление на профессиональной основе авто-, авиа-, морских, железнодорожных перевозок пассажиров. Никто не ставит под сомнение „монополию“ медицины, так как эта деятельность сопряжена с жизнью и здоровьем людей,— поясняет Анжелика Решетникова.— В современном обществе в России деятельность ЧОП, СРО, нотариата и прочих видов деятельности объединена и подчинена строгим и единым правилам, и оказание юридической помощи на непрофессиональной основе порой может причинить не только имущественный вред доверителю, но и повлечь плачевные последствия».

По ее словам, основное отличие «свободных» юристов от адвокатов, в полном отсутствии ответственности за качество оказания помощи. Адвокат несет личную ответственность перед доверителем и адвокатской палатой. И в случае обоснованной жалобы доверителя на его услуги может быть лишен адвокатского статуса.

Евгений Карноухов, управляющий партнер Alliance Legal CG, считает, что существует очевидная связь между отсутствием профессионального представительства и сохранением в России следственного, так называемого инквизиционного, судопроизводства. «Иными словами, российские судьи вынуждены быть активными помощниками сторон (а зачастую фактически подменять их функцию) в процессе рассмотрения дела, поскольку сами стороны не всегда представлены профессиональным представителем — судебным адвокатом или судебным юристом. Суд, таким образом, редко может установить все обстоятельства по делу без собственного активного вмешательства, фактически оставаясь следователем по делу»,— поясняет господин Карноухов. ➔ 24